

Чеснокова Анастасия Владимировна
– доцент сектора информационных технологий и учебной деятельности
Краснодарского краевого института
дополнительного профессионального педагогического образования
(Армавирский филиал), кандидат филологических наук

Специфика идеального женского образа в кубанских сказках

Чеснокова, А.В. Специфика идеального женского образа в кубанских сказках / А.В. Чеснокова. – Ставрополь // Формирование языковой личности в поликультурном пространстве Северного Кавказа : материалы Всероссийской научной конференции / ред. Е.А. Луговая. – Ставрополь : Редакционно-издательский отдел (РИО) Ставропольского филиала ГОУ ВПО "Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова", 2011. – С. 115-119.

<http://lib.mgppu.ru/opacunicode/app/index.php?url=/notices/index/IdNotice:356942/Source:default>

Кубанский фольклор складывался на основе восточнославянского, прежде всего русского и украинского, под сильным влиянием фольклора народов Кавказа, исконно заселяющих эту территорию. Сложившийся национально-культурный феномен отличается самобытностью и в то же время в нём чётко прослеживаются обозначенные течения, в том числе в понимании идеального женского образа.

Рассмотрим специфику женского образа в русской культурной традиции. Ю.Лотман, анализируя русскую литературу и фольклор, указывал на то, что здесь можно встретить три типа женских характеров: *несчастливая женщина, женщина-героиня и демоническая женщина.*

Не представляет никакого труда привести примеры *несчастливых* героинь: это и похищаемые девицы, и сказочные падчерицы, и бесконечная галерея литературных образов (Катерина из «Грозы» А.Островского, Анна Каренина Л.Толстого, Сонечка из «Преступления и наказания» Ф.Достоевского и мн. др.)

Крылатыми стали слова поэта о русской *женщине-героине*, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Героически ведут себя и былинная Василиса Микулична, вызволившая мужа из темницы князя Владимира, и сказочные красны девицы, готовые на всё ради спасения попавшего в беду возлюбленного.

К *демоническим* персонажам можно отнести не только ведьм, сказочных и литературных (вспомним гоголевскую Солоху, Олесю А.Куприна, булгаковскую Маргариту), но и так называемых «инфернальных» героинь, ярко представленных в творчестве Ф.Достоевского, литературе «Серебряного века», «городской прозе» и др. В определённой степени демоничны сказочные царевны, зачастую прибегающие к магической помощи.

Русский менталитет наделяет идеальную женщину прежде всего такими качествами, как сострадание и самопожертвование. По выражению И. Золотусского, русская женщина «если и любит, то больше страдает, страдает, чем наслаждается любовью». Культурная традиция настолько сильна, что и в наше время не утрачивают актуальности слова Н.Некрасова: «Ключи от счастья женского... Зброшены, потеряны у Бога самого!». Нередко эту национальную особенность объясняют влиянием христианства, ориентированного на мир горний, прийти к которому можно только дорогой страдания и сопереживания, и не считающего земное счастье и социальную справедливость столь значимыми, как, например, в исламе.

Если пользоваться терминологией Ю.Лотмана, то подавляющее большинство героинь кавказских сказок можно отнести к женщинам героическим. «Одной из основных ценностей горской цивилизации является

кавказский тип личности, в идеале воплощающий в себе свободолюбие, чувство собственного достоинства, умение владеть собой, сохранять оптимистический взгляд на жизнь при всех испытаниях”, - отмечает Р.И. Ахриев [4, С.7]. Данные качества в полной мере распространяются на женщин. В значительной степени это обусловлено тем, что «жителей Кавказа отличает уважительное отношение к женщине. Мать в семье не менее уважаема, чем отец. Женщины-горянки всегда имели больше прав и занимали более заметное место в обществе, чем их сестры по вере в других мусульманских странах» (Сердюк Ю. О.) [10].

Гендерные модели воспроизводятся произвольно, записаны в религиозных традициях и чётко представлены в идеальном женском образе. Так, героиня адыгской сказки «Живая вода» в совершенстве владеет оружием, справедлива и способна постоять за себя и других. «У гор нет повелителя, они свободны, как люди, живущие в них», - заявляет девушка жестокому властителю гор Каранарту. Ей вторит также оказавшаяся в плену у тирана Наки из легенды «Лаго и Наки»: «Тесно будет вольной ласточке в твоём каменном гнезде, князь». А любимому Лаго она говорит так: «Разве мы не родились свободными? Разве нам может кто-нибудь запретить любить друг друга?» Их любовь стала причиной бунта сочувствовавших влюблённым земляков и возникновения «племени свободных людей, никогда не покорявшихся княжеской власти».

Определённый интерес представляет собой внешность сказочных героинь. По мнению сторонников мифологической школы, златокудрые красавицы славянских сказок изначально воплощают образ Солнца (отметим, что эта точка зрения поддерживается не всеми: например, А.Веселовский полагал, что архетипом сказочных красавиц является христианская Богоматерь, более близкая сказкам хронологически). Вспомним чешскую Златовласку: «Каждый день на рассвете она расчёсывает волосы. Тогда занимается над морем золотая заря». Как и героиня древнегреческого мифа Персефона, похищенная владыкой подземного мира Аидом, царевна несёт миру радость и процветание (тёплое

время года), а её зимнее отсутствие сопряжено со сном-смертью всего живого. Ту же основу имеет мотив похищения красавицы Змеем или Кошеем Бессмертным: «Змей уносит похищенную красавицу в *гору* или заключает в своем *городе*. И гора, и змеиный город суть метафорические названия тёмной тучи... как естественный результат поражения Змеев или прямее - разгрома тёмных туч является скрывавшийся за ними благотворный свет солнца» (А. Афанасьев) [2, С.155-160] Учёный подчёркивает особую значимость этимологического родства слов *краса*, *красный*, *красное солнце*. То, что девица олицетворяет собой Солнце, подтверждается и такими сказочными ситуациями, когда дева в зимний период теряет свою красоту (например, облекается в свиную шкуру), и распространённостью мотива «девушка во власти чудовища», который является главным в русских сказках «Аленький цветочек», «Финист – ясный сокол», украинской «Покатигорошек» и других. Иногда дева-Солнце не похищена, а изменила супругу, однако в финале обязательно происходит восстановление благословенного брака.

Сходные мотивы занимают важное место и в сказках народов Северного Кавказа. Например, в упомянутой адыгской сказке «Живая вода» главная героиня носит имя Свет Зари и являет собой пример волшебной красоты, которая тронула даже бездушного Каранарта. Красавица похищается злодеем, в подземелье меркнет её краса, но благодаря помощи верных друзей девушка спасается и чудесным образом вновь обретает былую светозарность.

Кубанские сказки впитали в себя и восточнославянскую, и кавказскую традиции, однако в целом женский образ не занимает в них столь важного места. Соотношение «войны» и «мира» в казачьем фольклоре характеризуется преимуществом первой (в песнях гребенских казаков находим: «У казака дом – чёрна бурочка, Жена молодая – все винтовочка»). Специфика кубанских сказок сможет быть объяснена тем, что хронологически они значительно более отдалены от архаичных мифологических истоков, новеллистичны и опираются

на события настоящего или недавнего прошлого, характеризующихся уникальной исторической и демографической ситуацией.

Во-первых, данная специфичность определяется тем, что Кубань в период её освоения славянскими народами заселялась казачьими войсками. Необходимость постоянной военной мобильности предопределила на начальной стадии «военный, с преобладанием военно-сословного (казачьего) фактора, характер колонизации, претерпевший затем эволюцию из-за нарастания стихийного притока крестьянских масс из центральной России, обезземеленных реформой 1861 г.» [7, С.17]. Большой пласт переселенцев составили запорожские казаки, а женщины на Сечь, как известно, не допускались. Так, по данным А.П.Новосельцева, «в1801г. в Черноморском войске было 23 474 мужчины и 9 135 женщин», не намного лучше дело обстояло в «семейных» донских и терских войсках. К 1851г. благодаря жёсткой политике российского правительства «соотношение мужского и женского населения в Черноморском войске составило соответственно 50,3 % и 46, 5%» [8, С. 42-43].

Во-вторых, связанные с женщинами сюжеты в военных условиях никогда не входят в число приоритетных. В казачьих сказках преобладает нравственно-героическая проблематика, а центральным образом оказывается герой, наделённый такими качествами, как воинская доблесть и честь, верность слову, патриотизм. Государственные интересы явно подавляли личные.

В-третьих, традиционное отношение к женщине в казачьих станицах Кубани отличалось явным превосходством мужского статуса и в экономической, и в социальной сферах, что закрепилось не только в нормах права, но и в духовной культуре, в том числе в фольклоре.

В результате героиня казачьих сказок наделяется теми качествами, которые ценились именно в такой ситуации: в первую очередь хозяйственностью, умением обеспечить налаженный быт и самостоятельно справляться с хозяйственными трудностями. Показательно описание

центрального женского образа в сказке «Как сотник дочь замуж выдавал» (пассивная роль дочери определена уже в названии): «А к тому времени дочери сотника уже исполнилось восемнадцать лет. И была она удивительно красивой, умной и замечательной хозяйкой. Она умела хорошо готовить, управляться за скотиной, шить одежду и много-много разных дел выполнять». Типична и сказка «Казак и птицы», в которой женщина оказывается второстепенным персонажем, реализующим практически важную идею продолжения рода: в конце сказки казак «взял в жены самую красивую девушку в Кубанской области и родилось у них много казачат».

И всё же казачьи сказки, несмотря на приоритет новеллистических сюжетов, достаточно ярко представляют и мифологические представления, характерные не только для древних славян, но и для всей индоевропейской традиции. Например, в эпизоде, где героиня использует живую и мёртвую воду для воскрешения возлюбленного или восстановления своей красоты, реализуется распространённый мифический мотив об Умирающем и воскресающем боге, обнаруживающий родство героинь сказки с египетской Изидой, шумерской Инанной и рядом других богинь Древнего Востока.

Этот же мотив лежит в основе типичного для кубанского фольклора в целом изображения битвы через образы созидательного труда:

*Ой да пораспахано турецкое поле
Не сохами оно, не сохами,
Пораспахано оно конскими копытами,
Ой позасеяно оно, полюшко,
Не всхожими семенами,
А казацкими, братцы, головами...[11]*

А.Афанасьев объясняет уподобление битвы выращиванию хлеба так: «В искусстве возделывать землю плугом... видели божественное изобретение, и сама летняя гроза изображалась в поэтической картине вспахивания облачного

неба громоносцем Перуном. Так как, по другому воззрению, также гроза уподоблялась битве, то, сближая оба эти представления, народная фантазия допускает сравнение битвы с возделыванием пашни... Такие поэтические сравнения возникали под непосредственным влиянием языка, который понятия грозы, битвы и «оранья» выражал родственными звуками, так как со всеми ими нераздельна одна и та же мысль о разящем острие и наносимой ране: *орать* – «резать» землю плугом, ратай – пахарь и *рать*, ратник» [Цит. по: 11, С.20].

Таким, образом, идеальный женский образ кубанской сказки формируется под влиянием конкретных исторических событий, но при этом в значительной степени сохраняет каноничность восточнославянского и кавказского фольклора.

Литература:

- 1.Александров Е. Кубанские сказки.<http://eab.clan.su/>
2. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература/ Сост., подгот. текста, вступ.ст. и примеч. А.Л.Налепина. М.: Сов.Россия, 1986. – 336с. (Библиотека русской критики).
- 3.Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских представлений и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – ВЗ-х т. – М.: Современный писатель, 1995.
- 4.Ахриев Р.И. Культура народов Северного Кавказа как одна из ценностей горской кавказской цивилизации // История Северного Кавказа. Северокавказская цивилизация: вчера, сегодня, завтра; Тез. II Междунар. конгр. по программе “Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культура”. 15-20 сент. 1998 г. Пятигорск, 1998. С. 7)
- 5.Гасанова З.И. Кавказский горский менталитет в изображении русской литературы XIX века: АРТ на соиск. Учю степ. к.ф.н. по спец. 10.01.02Литература народов Российской Федерации <http://www.dissercat.com/content/kavkazskii-gorskii-mentalitet-v-izobrazhenii-russkoi-literatury-xix-veka>
- 6.Золотусский И. Очная ставка с памятью (о творчестве К. Воробьева) //И. Золотусский. Очная ставка с памятью. – М., 1983.- С. 14-26.С. 23
- 7.В.А.Матвеев. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе XIX-XX веков // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2000. С. 16-18. С.17

- 8.А.П.Новосельцев. Кавказское казачество – олицетворение единства русского и украинского народов // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. Под ред. О.В.Матвеева. – Краснодар, Изд-во «Кубанькино», 2004. С. 37-45. С. 42-43
- 9.Попов В.А. Кубанские сказы. (Для детей. Илл. М.П. Надин). Краснодар, Кн. изд., 1961. – 332 стр.
- 10.Сердюк Ю.О. Менталитет народов Кавказа.
<http://geo.1september.ru/2004/20/7.htm>.
- 11.Ткаченко П. Кубанские песни. С точки зрения поэтической. – М.: Стольный град, 2001. – 254с.
- 12.Чеснокова А.В. Образовательный потенциал русской народной сказки: Учебно-методическое пособие – Армавир, АФ ГОУ Краснодарского края ККИДППО, 2010. – 28 с.